

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 821.161.1'06.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1

Л.К. ОЛЯНДЭР,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки (г. Луцк)*

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ГОГОЛИАНЫ XX – НАЧАЛА XXI вв.

На основе трудов П. Поспелова, Ю. Манна, Г. Гуковского, Ю. Лотмана, Ю. Барабаша, О. Богдановой, В. Воропаева, И. Золотусского, В. Ерофеева, И. Есаулова, Н. Крутиковой, О. Крюковой, П. Михеда, Е. Сверстюка, В. Шевчука, В. Мельниченко и др. дается представление о (поли)диалогическом поле гоголианы XX – начала XXI вв., о тех интенциях, которые вызваны результатами осмысления творчества писателя. Учитываются философские концепции В. Розанова, Л. Шестова, В. Подороги, К.Ж. Делёза, М. Фуко, М. Хайдеггера и др. Акцентируется внимание на тенденции познать Н.В. Гоголя всеохватно с учетом культурного трансфера. Отмечается – в опоре на мысли А. Степановой – то, что Н. Гоголь стоит у истоков экзистенциальных процессов, получивших свое развитие в межвоенный период XX в. Но детально рассматриваются лишь три ракурса: – Первый установившийся ракурс – это Н. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. – Второй актуализирующийся ракурс – принадлежность Н. Гоголя к русской или украинской национальной литературе. – Третий ракурс – постижение личности писателя, а также философский и религиозный аспекты его творчества. Доказано, что анализ О. Богдановой повести «Шинель», построенный на «дантевской утопии “ад – чистилище – рай”», приводит реципиента к мысли, что Н. Гоголь был предтечей подлинного Ф. Ницше. Подчеркивается и различие: у Н. Гоголя не Übermensch, а надежда на исправление человека благодаря христианству. Установлено, что Н. Гоголь породил гоголиану, которая по сути является бесконечным процессом познания человеком, народом, человечеством самого себя.

Ключевые слова: анализ, диалог, креативность, культурный трансфер, миробраз, (поли)диалогическое поле, реципиент, синекдоха, символ, Н. Гоголь, А. Пушкин.

На основі праць П. Поспелова, Ю. Манна, Г. Гуковського, Ю. Лотмана, О. Богданової, В. Воропаєва, І. Золотуського, В. Єрофєєва, А. Єсаулова, Н. Крутикової, О. Крюкової, П. Міхеда, Є. Сверстюка, В. Шевчука, В. Мельниченка та ін. складається уявлення про (полі)діалогічне поле гоголіани XX – початку XXI ст., про ті інтенції, які викликаються результатами осмислення творчості письменника. Враховуються філософські концепції В. Розанова, Л. Шестова, В. Подороги, К.Ж. Дельоза, М. Фуко, М. Хайдеггера та ін. Акцентовано увагу на тенденції пізнати М.В. Гоголя всеохоплюю з урахуванням культурного трансферу. Відзначається – в опорі на думку А. Степанової – те, що М. Гоголь стоїть біля витоків екзистенційних процесів, які стали розвиватися в міжвоєнний період XX ст. Але детально розглядаються лише три ракурси. – Перший усталений ракурс – це М. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. – Другий ракурс, що актуалізується – приналежність М. Гоголя чи до російської, чи до української літератури. – Третій ракурс – осягнення особистості письменника, а також філософський та релігійний виміри його творчості. Доведено, що аналіз О. Богданової повісті «Шинель», побудований на «дантівській утопії “пекло – чистилище – рай”», призводить реципієнта до думки, що

М. Гоголь був предтечею не сфальсифікованого Ф. Ніцше». Підкреслено і відмінність: у М. Гоголя не Übermensch, а надія на виправлення людини завдяки християнству. Встановлено, що М. Гоголь породив гоголіану, яка, по суті, є нескінченим процесом пізнання людиною, народом, людством самого себе.

Ключові слова: аналіз, діалог, креативність, культурний трансфер, світообраз, (полі) діалогічне поле, реципієнт, синекдоха, символ, М. Гоголь, О. Пушкін.

Мелодія в руках більшого музиканта способна на багаті варіації, простому слухателю вона може показатися повністю преобразившеюся, тоді як в глибині – в абсолютно іншому сенсі – вона перебуває незмінною.

Освальд Шпенглер. Закат Європи. Очерки морфології світової історії. 1. Гештальт і дійсність.

...Совершившийся в XX веке, особенно ко второй его половине, выход Гоголя на авансцену **мировой культуры, ощущение его как необычайно актуального художника, предвосхитившего тенденции иррациональности и абсурдизма в современном искусстве**, – именно это событие выдвинуло указанную параллель двух имен как историко-литературную проблему.

Легко понять, что прежде всего бросилось в глаза сходство повестей «Нос» и «Превращение». Виктор Эрлих, которому принадлежит приоритет научной постановки вопроса «Кafka и Гоголь», уделил этому сходству большую часть своей статьи»

Юрий Манн. Франц Kafka и Гоголь (О судьбе одной постромантической традиции).

«...наше отношение к Гоголю до сих пор нередко носит, прямо скажем, «школьный» характер. Общий смысл его художественного творчества нам представляется ясным, простым, однозначным. Гоголь – гениальный социальный сатирик. Эта формула никак не вмещает всего Гоголя, в ней есть доля правды, но далеко не вся правда, она слишком узка для Гоголя. наше отношение к Гоголю до сих пор нередко носит, прямо скажем, «школьный» характер. Общий смысл его художественного творчества нам представляется ясным, простым, однозначным. Гоголь – гениальный социальный сатирик. Эта формула никак не вмещает всего Гоголя, в ней есть доля правды, но далеко не вся правда, она слишком узка для Гоголя. <...>

Гоголь же со своей стороны предстал как художник, загадка которого неисчерпаема, то есть, стало быть, как истинный творец.

Ерофеев. Розанов против Гоголя

Ерофеевский тезис: *Гоголь – неисчерпаемая загадка*, которая, говоря словами Ю.В. Манна, никогда не будет разгадана до конца – объясняет актуальность поднятой проблемы, но частично, ибо творчество Н. Гоголя (1809–1852) **многоуровневое**, о чем свидетельствуют прежде всего монография Ю.Я. Барабаша «Если я забуду тебя, Иерусалим... Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты» (Харьков, 2001), его статьи – «Гоголь и украинская барочная проповедь XVIII в.» (М., 1992), «“Художник Петербургский!”: Гоголь и Шевченко: в едином культурном пространстве» (2003), монография В.А. Воропаева «Николай Гоголь: Опыт духовной биографии» (М., 2008), «Н.В. Гоголь и современная культура. VI Гоголевские чтения» (М., 2005), антология «Н.В. Гоголь: pro et contra» (СПб., 2009), новеллы-эссеи В.О. Отрошенко «Гоголиана. Писатель и пространство» (2016), статьи О.В. Богдановой «“Мне отмщение и Аз воздам”. “Мертвые души” в “Шинели” Н.В. Гоголя» (2017), А.И. Есаулова «Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России» (2019), концептуальные подходы П.В. Михеда [13], М.К. Наенко [41] и др.

Неизменный интерес представляют уже «Гоголезнавчі студії» (2014), где широко представлені україно- і російськомовна бібліографія і особливо значимі теми для пони-

мания роли Н. Гоголя в развитии славянских и других литератур Европы – «Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками» И.А. Виноградова (Москва), «Гоголь і польська література 30 – 40-х років XIX ст. (проблеми вивчення)» П.В. Михеда (Киев), что особенно актуально в наши дни, «Путевая эдемософия: в просторе Гоголя» А.П. Люсого (Москва), «Гоголь у дзеркалі своїх біблійних цитат». Р.-Д. Кайля (Бонн) и др. [13]. Не следует выпускать из виду и видеодоклад П.В. Михеда «“Тарас Бульба” Миколи Гоголя і “Гайдамаки” Тараса Шевченка як віхи розвитку національної свідомості» [40]. Но говоря о том, как представлена в гоголиане тема Гоголь і Шевченко, особое внимание необходимо – с учетом теоретических положений ученого – сосредоточить на М.К. Наенко, на продуктивности полученных им результатов, имеющих и методологическое значение при осмыслении типологических и специфических процессов, происходящих в русской, украинской и других литературах. И все это надо брать в диалогическом по своей природе контексте, куда входят и такие тонкие наблюдения, которые имеются в статье Н. Крутиковой [28], что требует специального и подробного исследования.

Анализируя эти заглавия / претексты, нетрудно заметить, что они одновременно подчеркивают существующее понимание того, что загадкой является и сама личность писателя. Все это способствовало и способствует тому, что в современной многонациональной гоголиане четко обозначились тенденции рассматривать творчество Н.В. Гоголя (1809–1852) в различных ракурсах, в т. ч. и тех, что были «забыты» или «полузабыты», а теперь актуализировались вновь. В результате взятая целостно гоголиана представляет собой огромное диалектическое (поли)диалогическое поле, т. е. такой пространственно-временной континуум, где для реципиента все предстает в едином хронотопе: *тут и сейчас*. В центре (поли)диалогического поля находятся топосы России и Украины, но захватываются и другие топосы, например, Болгарии, Польши, Словении или Германии. Безусловно, отсчет своего времени гоголиана начинает с выхода первых произведений писателя. Однако в нашем случае ее (поли)диалогическое поле «усечено» и ограничено более узкими временными рамками. Поэтому цель статьи состоит не в том, чтобы дать аналитический обзор существующим исследованиям творчества писателя, а в том, чтобы хотя бы в самих общих чертах составить представление о (поли)диалогическом поле гоголианы XX – начала XXI вв. и о тех интенциях, которые вызываются результатами осмысления творчества Н. Гоголя, достигнутыми в течение этого периода. При этом важно не упустить из виду то, что в начале XXI в. четко обозначилась тенденция познать Н. Гоголя всеохватно и, как указывают исследователи, с учетом культурного трансфера, который очень многое обосновывает в системе литературных взаимодействий [31]. На наш взгляд, важно услышать голос каждого в контексте голосов, стремясь прежде всего к пониманию – к этому и призывает А. Есаулов в статье «Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России» (2019). Именно этот подход в органическом сочетании с другими подходами позволяет проследить, как и какими своими сторонами раскрывается гоголевский миробраз в пространстве межкультурного диалога, тем более, что сам писатель – тут необходимо учесть его публицистику, критику, теоретические и эстетические взгляды, глубокие суждения о разных видах искусств, – дает обширный материал для размышлений. Многие проясняет статья Н. Гоголя «Последний день Помпеи» (август 1834), которая является не только глубочайшей искусствоведческой работой, но своеобразной программой изучения его творчества, стимулируя обращать внимание на смыслообразующие функции пластики, цвета и света в его изобразительно-выразительной системе. И не только это, но и звуки, жесты, позы... Еще более широко об этом судит И.В. Науман:

«Единство Гоголя-художника и Гоголя-журналиста, литературного критика, – пишет он, – дает возможность не только охватить творчество писателя в целом, но и понять взаимосвязь между задачами критики и мировоззрением писателя в целом, но и художественной литературы в данную эпоху» [42, с. 13–14].

И если внимательно присмотреться к современным исследованиям украинских ученых творчества писателя, то в этом аспекте особенно значима – и не только содержанием, но и характером дискурса – книга Е.А. Сверстюка (1928–2014) «Гоголь і українська ніч:

есеї» (2015), где, кстати сказать, с тончайшим пониманием охарактеризовано отношение А. Пушкина к Н. Гоголю [50, с. 95, 218–224]. Уже в ее заглавии привлекает к себе внимание емкость смысла, заключенного в символическом образе *украинской ночи*, его многовекторность. Необычность сверстюковской коммуникативной стратегии проявляется в том, что современный информированный реципиент, только лишь прочитав заглавие книги, невольно оживляет свое непосредственное визуальное восприятие гоголевского живописного полотна в повести «Майская ночь» (1829–1830), где главенствует таинственный свет. А вместе с ним ассоциативно на память приходит и «Лунная ночь на Днепре» (1880) А.И. Куинджи (1842–1910), которая эмоционально так созвучна с гоголевским текстом, что кажется интерпретацией его. И вернее будет воспринять эти два текста как своеобразный дуэт. А дистанция во времени создания этих картин наводит на мысль о вечности: такую ночь видели до Гоголя, до Куинджи, такой ее будут видеть всегда. Но ночь – образ-архетип, который вызывает свои коннотации – это ведь и «Ночь на Ивана Купала». Искусствоведы отмечают, что в «ночных художественных стилях» преобладает архитектурная космологичность, человеческие измерения уступают место мистике и трансцендентности, что свойственно и Н. Гоголю. Из этих свойств в дискурсе Е. Сверстюка актуализуются два – космологичность и трансцендентность, – что позволило автору в дальнейшем акцентировать глубину трагедии «духовной людини в бездуховній цивілізації» [50, с. 164] и в то же время определить православие как опору, которая не давала писателю сломаться.

«Гоголеві, – пише он, – українська релігійна традиція дала багато: вона заклала той фундамент, з якого людина підіймається до ідеалу служіння Богові» [50, с. 78].

Одновременно *ночь*, характеризующаяся непостижимым в своей таинственности определением: *українська*, напрямую соотносится Е. Сверстюком с Украиной, с его тревогой и заботой о ней. Но интересно то, что с такими же чувствами тревоги за Россию обращается к Н. Гоголю и И. Есаулов¹, а в свое время – и Томас Манн, с думами о Германии. [37]. Конечно, Е. Сверстюк и И. Есаулов находятся в диалогических отношениях, однако их позиции сближаются, когда Е. Сверстюк акцентирует то, что Н. Гоголь борется со злом, утверждая добро, а И. Есаулов – идею Воскресения, указывая на пасхальность гоголевского творчества.

Как известно, Н. Гоголь играет исключительную роль в развитии славянских литератур, но не только². Осмысляя это положение в контексте нашей современности, Атанасов Гинко образно сказал, что гоголевский «гений принадлежит трем великим государствам – России, Украине и Польше» и является «мостом дружбы всех славян, всех славянских языков и литератур». [12].

¹ И. Есаулов, анализируя противоречивые оценки Н. Гоголя у В. Розанова, с пониманием относясь к полному отрицанию им писателя в конце своей жизни, в итоге подчеркнул, что окончательным результатом явилось горькое розановское признание гоголевской правоты. И Есаулов подчеркнул, что этого не сделали ни В.В. Ерофеев (1990), ни С.Б. Джимбинов (2013). Ученый, указав на дискуссионный характер статьи В. Ерофеева «Розанов против Гоголя», назвал ее интересной. И действительно это так. На наш взгляд, значимо то, что В. Ерофеев подчеркнул парадигматическую позицию В. Розанова к самому пониманию литературного процесса, говоря, что для В. Розанова «не только новейшая, но и догоголевская литература, и прежде всех Пушкин, также враждебны Гоголю. «Не в нашей только, но и во всемирной литературе, – утверждал в другой (в «Легенде о Великом инквизиторе» – Л. О.) статье Розанов, – он стоит одиноким гением». «Мнимые», с его точки зрения, преемники Гоголя из русских писателей: Тургенев, Достоевский, Островский, Гончаров, Л. Толстой – обнаружили тонкое понимание внутренних движений человека, найдя за действиями, за положениями, за отношениями «человеческую душу, как скрытый двигатель и творец всех видимых фактов». Именно эта черта объясняет, по Розанову, всех перечисленных писателей, и именно этой черты – «только ее одной и только у него одного – нет у Гоголя» [20, с. 3].

Соглашаясь с И. Есауловым в том, что у В. Ерофеева много спорного, отметим, что и он сам – возможно даже намеренно – вызывает дискуссию. Вот почему его статью следует читать не только в сб. «Н.В. Гоголь и пути развития русской литературы» [21], но на сайте, где он приводит и мнения своих слушателей. Это интересно возникновением новых ракурсов прочтения писателя, который снова, как и во времена В. Розанова, проходит через души людей.

² Интересна концепция Е. Дмитриевой, где Н. Гоголь представлен в широком западноевропейском контексте: между языками и культурами [19].

Однако в этой оценке следовало бы конкретизировать вторую часть высказывания. Нельзя не вспомнить хотя бы повести болгарского писателя Любена Каравелова (1834–1879) “Българи от старо време” («Болгары старого времени», 1872), сербского писателя Милована Глишича (1847–1908) «Ноћ на мосту» («Ночь на мосту»), комедию Б. Нушича (1864–1938) «Сумњиво лице» («Подозрительная личность», 1888). И также нельзя забывать и произведения писателей других славянских литератур.

На наш взгляд, с одной стороны, идя путем всестороннего анализа конкретного текста, можно проследить на многих его уровнях все многообразие гоголевского воздействия, которое стимулировало креативные способности того или иного художника, а с другой – выявить наиболее важные моменты для диалога. Конкретизированное таким образом исследование творчества Н. Гоголя в контексте литературной жизни славянских и других народов является важным моментом в изучении реализма XIX в. и последующих эпох, что формирует представление о характере литературных процессов в целом. Именно эта проблема поставлена в книге «Н.В. Гоголь и славянские литературы» (2012), где содержатся материалы Международной конференции, посвященной двухсотлетию со дня рождения писателя, которая прошла в Москве 10–11 ноября 2009 г. в Институте славяноведения Российской Академии Наук. В современной гоголиане поражает многоаспектность ракурсов видения гоголевского творчества [2; 4; 9; 10; 21; 22; 26; 31; 34; 49 и др.]. Эта же многоаспектность характерна и для зарубежного гоголеведения, представленного работами Дж. Брукса [55], О. Джоу [56], Р. Джулиани [57], Б. Зейдель-Дреффке [58–59], С. Крус [60], Л. Людвик [61], П. Тьергена [62], М. Флейзер [63], О. Хашеми [64], А. Эббинхауза [65–67] и др. Но в этой статье внимание будет сосредоточено лишь на трех аспектах.

Первый и установившийся ракурс – это Н. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. Писатель, который, говоря словами Г.Н. Пospelова (1899–1992), «творчески мыслил очень смело, очень активно и самостоятельно», который «сказал новое слово в области русской литературы», который «заял своё особенное и выдающееся место в развитии русской национальной художественной культуры», который сумел в сатирических образах сохранять *психологическую достоверность* [48]. Опираясь на работы В. Белинского, вступая с ним иногда в полемику, а так же на мнение Н. Чернышевского, Г. Пospelов, Г.А. Гукровский (1902–1950) и многие другие исследователи рассматривают прежде всего социальный план его произведений, не оставляя при этом без внимания вопросы гоголевского мастерства, в т. ч. специфики стиля.

– *Второй ракурс*, актуализирующийся сейчас – принадлежность Н. Гоголя к русской или украинской национальной литературе³.

– И наконец, *ракурс третий* – постижение личности писателя, а также философский и религиозный аспекты его творчества, включая *жизнетворчество*.

Но какой бы аспект ни был избран исследователем, он так или иначе касался гоголевской личности. И встречаются моменты, когда такое касание дает наиболее ясное представление о сокрытой природе художественного таланта писателя и даже, возможно, о глубинных нитях душевной привязанности его к гениальному актеру М. Щепкину (1788–1863). В. Мельниченко в своей монографии «Микола Гоголь у Москві» (2014), опираясь на эпистолярный, поясняет дружбу двух великих художников тем, что «Щепкин був для Гоголя

³ Проблема возникла не сегодня. Об украинстве Н. Гоголя в «Вестнике Европы» в 1902 г. писал А. Ефименко в статье «Национальная двойственность в творчестве Гоголя». Достаточно вспомнить широко известные высказывания А. Ахматовой, О. Мендельштама. Это один из тех вопросов, который вышел за рамки литературоведения не только в Украине, но и в России. Выступления по этой проблеме не всегда равноценны и научно обоснованны. Однако есть и серьезные исследования, к которым относятся монография В. Агеевой «Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя» (2003), книги и статьи В. Мельниченко, Е. Сверстюка, В. Шевчука и др. Но особой глубиной отличаются подходы в трудах П.В. Михеда, который считает спор этот схоластичным, ибо Н. Гоголь на «подобие святого» (выражение Г. Грабовича) принадлежал и той и другой литературе. Это суждение ученый озвучил в видеовыступлении «Павло Михед про невідомі факти з життя М. Гоголя [40]. В зарубежном литературоведении проблему принадлежности Гоголя одновременно к русской и украинской литературам исследовал А. Эббинхаус (см. его статью «Николай Гоголь: между украинским и русским национализмом» [66]).

живим уособленням України», тем, що писатель «дедалі більше прихилився до Москви, жив у Римі, а хотів відчувати Україну». В. Мельниченко правомерно видит в этом причину того, що Н. Гоголь «душею лине до свого земляка» [39, с. 62]. Однако, на наш взгляд, было и другое, возможно, не менее весомое обстоятельство: их сближали схожесть эстетических позиций и родство особого художественного дара – дара *перевоплощения*. Именно эта способность служила обоим средством сначала понять *Иного* – что не всегда означает *принять*, – а понять, интерпретировать его. Иными словами, Н. Гоголь, как и его друг, входил в образ. И доказательством тому служит его недовольство игрой актеров и намерение самому сыграть «загадочного» Хлестакова [35, с. 293]. Не случайно Е. Сверстюк называет его «актором і комедіографом» [50, с. 73]. Ведь если М. Щепкин результаты такого *перевоплощения* осуществлял в сценических образах, то Н. Гоголь – в слове, что было необходимым этапом в его работе. И приводимое И. Золотусским письмо, в котором писатель Н. Гоголь ведет себя, как Хлестаков, проясняет многое:

«Уже в первом письме Гоголя из Павловска, – акцентирует И. Золотусский, – приписка: “Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н.В. Гоголю”.

В следующем письме он спрашивает маменьку: “Помните ли вы адрес? на имя Пушкина” Тут содержится прямое преувеличение. И уж тем более, как он хвастается в письме к Данилевскому, он не мог встречаться “каждый вечер” с Пушкиным и Жуковским в Царском. Во-первых, потому, что он не мог отлучаться от своего ученика. Во-вторых, сами Жуковский и Пушкин не имели времени проводить свои вечера с ним, ибо Жуковский был занят при наследнике, и жизнь его зависела от распорядка жизни двора, к которому учитель князя Васильчикова не был допущен, а Пушкин жил в это время с юной женой, проводил с ней первые медовые месяцы и не очень стремился к общению» [23, с. 38].

Вдумываясь в проводимый И. Золотусским анализ гоголевских писем, реципиент по ассоциации вспоминает Хлестакова, кичащегося своими мнимыми высокими связями, тем, что он «с Пушкиным на дружеской ноге...», и настолько близок с ним, что может даже фамильярничать.

Да, до замысла «Ревизора» еще очень далеко, но тип Хлестакова уже внутренне, исподволь осваивается Н. Гоголем.

Это говорит о том, что Н. Гоголь прежде, чем создать свои образы, «вынашивал» их в себе, а отсюда и особая естественность, и убедительность каждого созданного им характера, каждого типа. Видимо, и при изображении самой России он избрал тот же путь, идя через «*перевоплощение*» себя из украинца в русского, ощущая одновременно и конфликтность ментальностей двух народов, и их близость. Отсюда и его «признания» в письме к С. Аксакову от 21. 02. 1841, которые В. Мельниченко приводит в своей монографии «Микола Гоголь у Москві»: «Теперь я Ваш. Москва моя родина» [39, с. 64], употребляя при этом выражение «зросійщений Гоголь», судя по контексту, несколько иронично, ибо писатель «залишався з українською душею» [39, с. 65]. Все это говорит, что *перевоплощение* не означает изменения самого себя, на чем фактически настаивал еще Г. Гуковский, упорно подчеркивая факт принадлежности писателя к украинскому народу⁴. В результате и украинская душа Н. Гоголя, и его способность к *перевоплощению*, взаимодействуя между собой, позволяли увидеть Россию одновременно и со стороны, глазами человека выросшего в иных условиях жизни, и изнутри, т. е. глазами «актера», вошедшего в образ. Очевидно, что автобиографический материал может частично пролить свет и на особенности тех ракурсов видения действительности, которые оказывают решающее воздействие на ее моделирование художником.

Сегодня внимание исследователей обращено к гоголевскому наследию как к целостности. И то, что Н. Гоголь проявлял себя и как историк, и критик, и частично как фило-

⁴ Однако и у И. Золотусского не все так однозначно, о чем говорит взятое им в эпиграф майское письмо Н. Гоголя к матери от 1825 г.: «Я думаю, все переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины...» [23].

соф и религиозный мыслитель, уже не остается на маргиналах гоголианы. Немалый интерес представляет диссертация И.В. Наумана «Николай Васильевич Гоголь – эстетик и литературный критик» (2012). И хотя автор не ставил целью проецировать результаты своих изысканий на гоголевскую поэтику, он приводит к мысли, что статьи Н. Гоголя по искусству позволяют расставлять в ней новые акценты. Ведь совсем не случайно писатель так тонко охарактеризовал смыслообразующую роль *света* в картине К. Брюллова в своей статье «Последний день Помпеи (Картина Брюллова)», подчеркивая одновременно *движение*, свойство, которое, по мысли Ю. Лотмана (1922–1993), было присуще и самому Н. Гоголю [35, с. 90–292].

Н. Гоголя поражает у К. Брюллова выразительность освещения, тот «эффект, который разлит в природе, который происходит от *сражения* света с тенью» (курсив мой. – Л.О.), что ассоциативно соотносится со сверхзадачей гоголевского творчества – выразить противоборство *добра* и *зла*. Писателя восхищает смелость, энергичность художника.

«Создание и обстановку своей мысли, – пишет Н. Гоголь, – произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину. Молния у него залила и потопила все, как будто бы с тем, чтобы все выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя [16, с. 131].

Анализируя этот фрагмент, нетрудно заметить, что Н. Гоголь фактически «перевел» картину с языка предметности на язык слов, усиливая при этом экспрессию движений. Одновременно, опираясь на цепь глаголов, он создал портрет самого художника, раскрыл его темперамент. Вся картина построена на замысле: *создать*, на деянии-поступке: *схватил и бросил* (решимость и энергия) – и его следствии: *залила и потопила*, что вело к цели: *все высказать*.

Иными словами, глаголы, выстроенные писателем по принципу градации, служат кодами для креативного реципиента, позволяя ему создать в своем воображении за границами текста портрет К. Брюллова-мастера и раскрыть характерные черты его личности:

«В его картинах, – акцентирует Н. Гоголь, – целое море блеска. *Это его характер* (курсив мой. – Л.О.). Тени его резки, сильны; но в общей массе и исчезают в свете. Они у него, так же как в природе, незаметны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его. Свет у него так нежен, что кажется фосфорическим. Самая тень кажется у него как будто прозрачною и, при всей крепости, дышит какою-то чистою, тонкою нежностью и поэзией» [16, с. 136].

Очевидно, что в этом столкновении *сильная Тьма* терпит сокрушающее поражение от *фосфорического Света*, который *сверкает, просвечивает, сияет, проникает*. И речь идет о борьбе сил обреченного *зла* с непобедимым *доброт*.

И одновременно процитированный фрагмент текста свидетельствует о закономерности гоголевского понимания К. Брюллова, в котором он видел своего единомышленника, в чем убеждают строчки из гоголевской повести «Майская ночь»:

«...Небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете.

Аверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине

«Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат, еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены» [15, с. 17].

Приведенный эпизод убеждает, что в описании украинской ночи Н. Гоголем господствует то же *море блеска*, тот же *оригинальный, особенный свет*, и все так же живо и свежо, и совершенно, как у К. Брюллова, но при этом и мысли, и само освещение, и весь колорит были гоголевскими. А *движение* было более энергичным.

Его ночь в сознании XX и XXI вв. (В. Маяковский, Е. Сверстюк) обладает особенно выраженно всеми признаками символа, который соотносится с Украиной и менталитетом украинца.

И не случайно, особенно если брать украинское литературоведение, то в нем актуализировалось намерение представить Н. Гоголя прежде всего писателем украинским. Не остались в стороне от этой проблемы и русские исследователи: одни из них – в частности И.П. Золотусский⁵ [23], – взяв за основу язык, считают Н. Гоголя русским писателем; другие, поставив во главу угла национальную ментальность, – украинским. Наиболее ярким примером такого подхода в русской гоголиане служит статья писателя М.Ф. Антонова «Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель» [1].

Более сложно эта проблема представлена О. Крюковой, которая относит Н. Гоголя к русским писателям, одновременно акцентируя его украинскую ментальность:

«Обращение Гоголя к национально-историческому прошлому и украинскому фольклору, – пишет исследовательница, – ...делает цикл “Вечера на хуторе близ Диканьки” литературным пространством, сотканным из ярко выраженных доминант национальной идентичности. Но это произведение русского писателя, написанное на русском языке для русского читателя, который после прочтения “Вечеров...” должен приобщиться к миру, столь любимому Н. В. Гоголем. И не случайно, что лейтмотивом гоголевского цикла становится воспоминание о потерянном рае, в котором угадываются черты утраченной запорожской вольности» [29, с. 22].

Но, несмотря на кажущуюся раздвоенность Н. Гоголя, он выступает как целостная личность. В связи этим необходимо остановиться на монографии В. Мельниченко «Микола Гоголь у Москві» (2014). а также таких статьях, как «Одиночество Николая Гоголя (готовы ли мы к новому прочтению нашего классика?)» В. Казарина и др.

«Гоголь, – по мысли В.П. Казарина (Симферополь), – утверждает, во-первых, что малороссийское начало ничем не уступает великорусскому по значимости и масштабу, и, во-вторых, что без него общерусское явление просто не может успешно состояться. Вместе с малороссийским может, еще и создав при этом «нечто совершеннейшее в человечестве», а без него – нет. Эти два начала у Гоголя расположены не вертикально, подразумевая подчинение одного другому, а горизонтально, утверждая их полное равенство» [25, с. 66].

Однако эта мысль о «малороссийском начале» у Н. Гоголя на фоне признания писателя В. Шевчука, которое он, размышляя об украинском фольклоре и его отражении в художественной литературе, сделал в интервью с Еленой Некорой, звучит не так однозначно.

«Переді мною, – говорить В. Шевчук, – відкривалося щось таке велике, дивовижне – ціла загублена культура, в якій я просто закохався, якою я вражався, захоплювався. ...Я тоді постановив створити анти-Гоголя, бо в Гоголі, як, до речі, і в Довженку, мене вельми дратував їхній «малорусизм» – та естетика, яка подавала українську ментальність через екзотику, не без насмішки (з гумором); мене ж фольклорна народна проза зацікавила з іншого боку, я б сказав, психологічного, бо фантастику і демонологію, ба й готизм я розглядав як стан душі, образний його відбиток» [45].

Мысли В. Шевчука, входящего в (поли)диалогическую гоголиану со своим ракурсом видения, подчеркивают стимулирующее воздействие Н. Гоголя на творческую энергию писателя, направленную на художественное освоение украинского характера и Украины как значимой и суверенной части человечества путем углубления в фольклор, но и на многое другое. Иными словами, В. Шевчук, акцентируя на самопознании, углубляется в проблему экзистенции, что надо учитывать при рассмотрении его позиции в гоголиане. И тут привле-

⁵ Очень определенно говорил о Н. Гоголе-украинце Г. Гуковский: «Пожалуй, в «Майской ночи», – пишет исследователь, – более, чем в первом рассказе книги, выступает лишь одна черта, – впрочем, немаловажная, – конкретно и идейно ответственно характеризующая носителя речи, поэта-автора; это – черта национального определения: он – не только восторженный поклонник Украины, не только изобразитель и знаток ее (таково задание образа, обуславливающее ряд объяснений, даваемых им русскому читателю насчет украинского быта, языка и т. п.), но он – сам украинец, и его духовный тип и характер выражает склад ума и души украинского народа вообще [18, с. 48].

кает к себе внимание его фундаментальный двухтомный труд – «Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть» (2005), где писатель, рассматривая украинское барокко, семь раз вспоминает имя Н. Гоголя. Эти фрагменты, выделенные из повествования, составляют опорные моменты для формирования в сознании реципиента четкой сюжетной линии в тексте:

– «...Чи не під впливом цієї пісні (“Ой Боже ж наш, Боже милостивий”⁶ – Л.О.) в “Різдвяній ночі” М. Гоголь посилав Вакулу в Петербург» [51, с. 367].

– «Микола Гоголь був споріднений із козацьким полковником О. Гоголем та козацьким поетом XVIII ст. Танським...» [51, с. 408]

– «У часі, коли жив Г. Сковорода, мандрівні дяки зійшли чи сходили зі сцени, розпорядженням Катерини II їм забороняли мандрувати, і поступово вони виродилися в тих, з яких кепкували пізніше Г. Квітка-Основ'яненко чи М. Гоголь» [51, с. 582].

– «... Пізніше романтики (Т. Шевченко, П. Куліш) закидали Г. Сковороді за найбільший недолік оту його мову, бо вважали, що таким шляхом українська література не може йти... і справді довелося вибирати за літературну російську мову (її взяв В. Капніст, М. Гоголь, В. Нарезний та інші), чи обидві разом (П. Куліш, М. Костомаров, Г. Квітка-Основ'яненко, Марко Вовчок, Є. Гребінка, навіть Т. Шевченко та ін..)» [51, с. 593–594].

– «...В. Капніст... пише... комедію “Ябеда”... цей твір російський, бо відбиває не українську ментальність, а таки російську, як і “Ревізор” М. Гоголя...» [51, с. 623]

– «... Учнем В. Капніста був українець-таки Микола Гоголь, який і в “Ревізорі”, і в “Мертвих душах” використав метод свого попередника і не тільки розвинув його, а й вивів до рівня світових мистецьких вершин» [51, с. 629].

Прочитанные подряд шевчуковские акценты на имени Н. Гоголя создают яркое впечатление о том, как из украинского казачества, его культуры и литературы выростал гениальный художник, «у сфері моральній», по мысли К.В. Мачульского (1892–1948), «гениально одарований» и воспринимаемый Е. Сверстюком как «письменник містичних глибин і дивних прозрінь» [50, с. 85].

Вдумываясь в ход мыслей В. Шевчука, нельзя не отметить взвешенность и обоснованность его вывода относительно В. Капніста, вывода, который распространяется с еще большей правотой и на Н. Гоголя:

«...Не варто робити з В. Капніста тільки українського письменника. Він твердо й свідомо входив також у контекст тодішньої російської літератури» [52, с. 629].

Одновременно нетрудно заметить, что сегодня во всех рассматриваемых работах так или иначе стоит вопрос о природе человека.

В связи с этими вечными вопросами, заостренными трагическими событиями Первой и Второй мировых войн, когда, по признанию польского писателя Т. Ружевича (1921–2014), Ното *zariens* предстал и *монстром*, в России в свою очередь усилилось внимание и к тем концепциям гоголеведения, которые сложились в русском зарубежье. В частности были изданы труды П.М. Бицилли (1879–1953) – «Трагедия русской культуры...» и др., осмысляя которые, М.А. Васильева выдвинула на первый план проблему человека [7].

И закономерно усилился интерес не только к «Мертвым душам», но и к повести «Шинель» [3]. Г. Гуковский, Ю. Лотман, Ю. Манн и другие оценивали эту повесть в разных ракурсах, придавая ей особое значение. В результате в (поли)диалогическом поле открылись острые дебаты. Вступая в него, О. Богданова увидела гоголевскую «Шинель» в «несколько ином» разрезе, который позволил ей с особым вниманием акцентировать онтологический аспект повести и прояснить тем самым в ней характер художественно-философских мыслей М. Гоголя о *Человеке, о его сущности*. Еще не рассматривая статью детально, а priori можно сказать, что представленные наблюдения не частное добавление: они, стимулируя тезаурус реципиента, направляют его к философии Ф. Ницше (1844–1900). И хотя в статье речь о немецком философе не идет, однако имеющаяся фраза-маркер отсылает к его философскому роману «Как говорил Заратустра». («Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen» (1883–1885):

«... Гоголь дважды – кольцеобразно и акцентовано – подчеркивает, что герой “взбирался по лестнице”, т. е. он поднимается вверх... Лестничный пролет задает координатную сетку (“серпянку”), благодаря которой должно произойти восхождение Акакия Акакиевича в чистилище» [6, с. 132].

Таким образом богдановское концептуальное видение Н. Гоголя, базирующееся и на детальном текстовом анализе повести «Шинель», утверждает в мысли, что Н. Гоголь в определенном смысле был предтечей читавшего его подлинного Ф. Ницше [47, с. 460], мечтавшего о совершенном человеке, а не того, которого в свою угоду исказила фашистская идеология. К сожалению, именно она и пошла гулять по миру. И надолго «забылись» лекции М. Хайдеггера 1936–1940 гг. о проблемах искусства у Ф. Ницше и еще более ранние статьи Вяч. Иванова (1866–1949), например, такие, как «Ницше и Дионис» (1904), где почти с упоением утверждалось:

«Ницше возвратил миру Диониса, в этом было его посланничество и его пророческое безумие. Как падение “вод многих”, прошумело в устах его Дионисово имя. Дионисово сделало его властителем наших дум и ковачем грядущего» [24, с. 27].

И, как отмечают современные исследователи, только в середине XX в. благодаря усилиям У. Кауфмана, автора книги «Ницше: философ, психолог, антихрист» (1950), а также философов К.Ж. Делёза, М. Фуко и др. идеи Ф. Ницше будут окончательно денацифицированы.

В наше время истинное понимание взглядов Ф. Ницше устанавливается в трудах таких философов, как В. Подорога [47] и др.

Ф. Ницше предстает в диалоге с Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Конечно, у Н. Гоголя не *Übermensch*, а мечта и надежда на исправление человека, на основе христианства [22; 50]. В связи с этим иначе и глубже воспринимается признание Ф. Достоевского: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя». Теперь оно вбирает в себя все новые имена писателей мирового масштаба, в т. ч. и Т. Манна (1875–1955), которого, как доказывает Н. Колихалова, привлекало у Н. Гоголя и Ф. Ницше, свойственное им «стремление сохранить целостное видение жизни» [27; с. 464]. Показательна ее статья «И в России Гоголя, и в Германии Ницше...» (К истории формулы Томаса Манна «Святая русская литература»), где она пишет:

«Формула “святая русская литература” в своих вариациях, помимо тематического (прямого) смысла, кодирует и фокусирует все узловые моменты творчества Т. Манна. Обратимся теперь к парности “Россия Гоголя/Германия Ницше”. <...> здесь Т. Манн идет не от “своих”, а к “своим”, т. е. от Гоголя к Ницше, и ищет черты не столько различия, сколько общности» [27, с. 462].

Это только один пример, но говорящий, что перед реципиентом, входящим в диалогическое поле, где встречаются в диспуте художественно-философские миры Н. Гоголя, Ф. Достоевского и Ф. Ницше, весь литературный процесс предстает таким единством, в котором стержнем проходит борьба за человека в человеке.

И это находит отражение у О. Богдановой. Ее гоголевская статья/глава в «Современном взгляде на русскую литературу» носит двухчастное заглавие: «“Мне отмщение и Аз воздам”. “Мертвые души” в “Шинели” Н.В. Гоголя» и тем самым – как претекст – чрезвычайно насыщено заключенным в нем содержанием. Писатель своей «философизированной» концепцией человека уже поставлен между Пушкиным и Толстым, хотя имени его О. Богданова не называет... Это видение места Н. Гоголя в литературном процессе возникает благодаря ожиданию, вызванному заглавием, но только не следует это понимать упрощенно, как передал-принял-передал эстафету, а мысль о зеркальном отражении «Мертвых душ» в «Шинели».

Анализируя эту статью/главу, необходимо осознать роль и значение эпиграфа в системе нарратива богдановской статьи...

В эпиграфе помещены слова А. Пушкина, процитированные из «Авторской исповеди» Н. Гоголя:

«Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение. – это просто грех» [14].

Однако в гоголевском и богдановском текстах эти слова звучат с разными оттенками заключенного в смысле: у Н. Гоголя как совет, понуждение к созданию серьезного и большого произведения, где бы могла отразиться вся Россия; а в статье – как высокая оценка уже осуществленного. Но кроме того, сам факт приведения этой цитаты – уже указание на особую преемственность в творческих замыслах: Н. Гоголь осуществил – конечно, в своем, гоголевском видении – то, что задумывал А. Пушкин. Ведь за этими словами в подтексте для информированного читателя звучит и гоголевское свидетельство:

«...Он... отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему) [6].

В этом свидетельстве Н. Гоголя останавливает на себе особое внимание фраза: «по словам его, он бы *не отдал другому никому*», которая говорит о том, что Пушкин из рук в руки передал, как эстафету, не только сюжет, но и тему-цель: *показать Россию*. А это в свою очередь наталкивает на мысль, что, когда речь заходит о традиции, целесообразно говорить не о преемственности как следованию за предшественником, а о преемственности через встречу⁶ двух гениев, ибо Н. Гоголь разрабатывал тему по-своему, неоднократно подчеркивалось такими учеными, как Ю. Лотман, который говорил «глубине различий между творческим миром Пушкина и Гоголя» [36, с. 246].

Однако есть *встречи* и *встречи*: одни происходят в «едином» *временипространстве* (М. Бахтин), другие в едином пространстве и разном историческом времени («*встреча*» Н. Гоголя, Ф. Кафки и В. Набокова).

Говоря о реальной встрече Н. Гоголя с А. Пушкиным, необходимо помнить, что реальной временной дистанции не было.

«Нельзя забывать, – отмечал Г. Гуковский, – что они писали в одни и те же годы. Гоголь определился как писатель еще до завершения пути Пушкина. Лермонтов погиб еще до выхода в свет «Мертвых душ» (первого тома). Это была ведущая, передовая группа, так сказать, ударная группа наступления реализма» [18, с. 15].

⁶ Думается, что наиболее продуктивно понимать продолжение традиции не как «следование след в след», а как «встречу» равновеликих, находящихся в различных не только исторических, но и культурологических ситуациях. Можно предположить, что и А.Г. Гачева близка к такому пониманию традиции, если ее философская монография озаглавлена «Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре» (2008). И это, действительно, так. Взять, к примеру, из обширной мировой дон-жуанианы такие произведения, как «Дон-Жуан» Байрона, «Каменный гость» А. Пушкина и «Кам'яний господарь» Леси Украинки. В приведенном ряду первое слово принадлежит Байрону. Он своеобразный «запевала». А. Пушкин, подхватывая его голос, ведет собственную партию, затем вступает Л. Украинка со своей художественно-философской вариацией темы. А в результате диалога этих произведений, проблема Дон-Жуана получает многостороннее, объемное освещение. Реальная встреча Н. Гоголя с А. Пушкиным – особенно наглядна в этом отношении. Тут не следует забывать суждение П.М. Бицилли (1879–1953), высказанное им в статье «Проблема человека у Гоголя»: «Пушкинское влияние на Гоголя обусловлено их конгенитальностью — сколь, на поверхностный взгляд, ни далеки они как художники слова друг от друга» [44, с. 726]. И правомерна мысль Г. Гуковского, который, имея в виду тему Петербурга, акцентировал внимание именно на творческом характере встречи двух великих мастеров слова: «Не забудем, – настаивал ученый, – что пушкинская поэма писалась одновременно с созданием первых петербургских повестей Гоголя. Невозможно решить, кто из двух гениальных людей повлиял здесь на другого и было ли здесь вообще какое-либо влияние, да и незачем ставить этот неразрешимый вопрос, имеющий отношение более к истории личных связей Пушкина с молодым Гоголем, чем к их творчеству» [18]. Косвенно, это подтверждается и мыслью Л. Шестова: «Легенда о Дон Жуане самая трудная тема, которая когда-либо была задана поэтам – и я, не колеблясь скажу, что во всей мировой литературе никто с ней так не справился, как Пушкин» [53, с. 328]. Нетрудно заметить, что тут представлено широкое диалогическое поле, где встретились в соревновании художники слова. Это диалогическое поле не замкнулось ни во времени, ни в пространстве. что глубоко и разносторонне раскрыто в монографии А.Е. Нямцу (1950–2018) «Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования)» (2007). Особая «встреча» с Н. Гоголем произошла у Л. Каравелова (1834–1879) в его повести «Българи от старо време» (1872).

Удачное выражение «ведущая, передовая группа», в свою очередь, меняет наше представление о ходе развития литературного процесса. В нашем привычном сознании – он линейен, ибо следуют один за другим: Пушкин – Лермонтов – Гоголь и т. д. А в действительности, как показал Г. Гуковский, сначала образовалось его ядро, состоящее из трех писателей, а дальше от этого ядра и шли пути как ответвления, пути, по которым двигалась русская литература.

Однако главное предназначение пушкинских слов в контексте богдановской статьи состоит в указании на основную цель написания «Шинели» – поднять проблему человека в гоголевской концепции. Вступая в (поли)диалогическое поле гоголианы, О. Богданова не столь категорична, как **полемично заостренный В. Ерофеев, и не говорит о «школьном подходе»**, а формулирует свою задачу более корректно и диалектично:

«Принято считать⁷, – вступает она в диалог, – что в центре повести “Шинель” стоит образ “маленького человека”, безжалостно задавленного столичным городом или погубленного равнодушием чиновничьего мира» [6, с. 124].

И становится очевидным, что имеется в виду, конечно, не только он, но прежде всего Г. Пospelов, который писал:

«Башмачкин не только бедный чиновник, он – задавленный, забытый человек, он один из тех людей, которые поработаны и унижены в своём человеческом достоинстве другими людьми, напрасно гордящимися своим высоким положением в обществе» [См.: 48].

Кстати, в этом высказывании ученого необходимо заострить внимание на мысли о *человеческом достоинстве*, что у О. Богдановой в дальнейшем получает свое развитие. А пока исследовательница **говорит о недостаточности утверждать, что «образ гоголевского героя в традиции пушкинского вектора его “маленьких людей”»**, ибо «наблюдения над текстом приводят к несколько иной репрезентации более обширных идей и мотивов (как у Пушкина, так и у Гоголя)» [6, с. 124].

Опираясь на многочисленные слова-маркеры, О. Богданова поднимает бытийные проблемы, подходя наиболее близко к Г. Гуковскому, по крайней мере, **в некоторых моментах**. Вот один из них, наиважнейший:

«...Шинель», – говорил ученый, – вещь неизмеримо гениальная, что образ Акакия Акакиевича мог стать и стал символом человеческого бытия, угнетенного несправедливым общественным укладом и требующего защиты» [18, с. 345].

В этом фрагменте, связующим, но более разделяющим фактором взгляды Г. Гуковского и О. Богдановой является понятие *бытия*. В отличие от своего предшественника она сосредоточена на *бытии*, взятом не столько в социальном плане (оно только внешне фонировано), сколько в онтологическом. **Ею акцентируются библейские мотивы [6, с. 128]**. Г. Гуковский приходит к выводу:

«Бытовое становится таким образом трагическим, потому что оно несет в себе судьбу человека и влечет за собой высокие мысли, – а эта судьба и мысли эти трагичны. Эпизод с шинелью из анекдота стал трагедией, притом трагедией социальной, трагедией унижения человеческого достоинства, угнетения человека» [18].

⁷ Надо отметить, что для дискурса О. Богдановой характерно, не только ссылаться на того или иного исследователя, но и обнажать типологические моменты в их концепциях. В связи с этим в ее гоголевской статье наряду с неоднократным употреблением слова принято велика частотность и контекстуальных синонимичных словосочетаний к нему – по утверждению специалистов, исследователи давно обратили внимание [6, с. 123], исследователи многократно искали [6, с. 124], если согласиться со специалистами [6, с. 128], как принято считать в современной школе (в т. ч. и высшей) и т. д. Этим исследовательница не только заявила о своем вхождении в диалог, но и создала образ самого (поли)диалогического поля.

Но если сопоставить богдановский текст с текстом Г. Гуковского, то выясняется, что он говорит о следствии, а причина лежит в *мертвой душе*. Вот почему О. Богданова вкладывает иной, не социальный смысл в понятие «маленького человека» – вечного Акакия Акакиевича. И как ключевое акцентируется, что «в самом начале повествования в тексте “Шинели” лежит антитеза»: вечное противопоставляется сиюминутному, мертвое – живому, молодое – старому, демоническое – сакральному, «в конечном счете («через посредство множественности деталей)» у Н. Гоголя адское противостоит райскому [6, с. 128]. Что касается Акакия Акакиевича, то он должен был пройти путь из ада в чистилище, а затем в рай, но этого не только не происходит, но и не может произойти. А в результате писатель отказывается от реализации идеи: провести своих героев по этому пути.

Здесь не ставится задача детально анализировать работу О. Богдановой, а поэтому ограничимся только двумя моментами.

На наш взгляд, обращаясь к тексту «Шинели», важно осмыслить смысл созвучий, в том числе и в понимании гоголевских многомерных символов, исходя из лосевского понимания *многомерности символа* как такового [33, с. 228–225]. В *многоголосой гоголиане* голос О. Богдановой, во-первых, созвучен – хотя и отдаленно – с голосом Л. Шестова. Именно Л. Шестов почуствовал в судьбе и творчестве Гоголя «прикосновение страшного ангела», увидел в нем человека наделенного «проклятым даром второго видения», благодаря чему он поставил вопросы, настоятельно требующие ответов, но «на которые нет ответов» [34, с. 211–213]. И неважно, имела ли или нет исследовательница в виду мысли философа: голоса сами находят друг друга. Во-вторых, мысли О. Богдановой соотносятся и с поспеловскими и лотмановскими мыслями, обретая при этом свои смысловые оттенки. Так, если у Г. Пospelова *шинель* ассоциируется с *подругой* и *женой*, с которой герой пойдет по жизненному пути, а у Ю. Лотмана – с *домом* и *подругой*, то у О. Богдановой – акцентируется не столько образ подруги, сколько *жены*. Очень близко, но какая огромная разница в понимании оттенков многомерного символа *шинели*... Г. Пospelов акцентирует мотив содружества, спасающего от одиночества. У Ю. Лотмана *шинель* как символ – это «дом ...особое пространство любви и уюта» [35, с. 267], и добавим: *защита, т. е. дом – моя крепость*, что, в свою очередь, способствует остановке внимания реципиента и на мечтах пушкинского бедного Евгения, думающего своими трудами вместе с женой построить свой *дом-семью*, где бы он был главою. У О. Богдановой же *шинель* – *синекдоха*, превращающаяся в символ, – это необходимость *жены* как такого спутника на жизненной дороге (у Лотмана это *путь*, и ученый настаивает на различии), с которым преодолеваются все трудности, в т. ч. бытовые. Именно вместе с образом *жены – хранительницы домашнего очага* – возникает ощущение не только сердечной теплоты, душевного понимания, единения, но ощущение уверенности, что все препятствия на жизненном пути будут преодолены: ведь именно о них думал пушкинский бедный Евгений. Иными словами, акцентируется «*мысль семейная*». В результате в диалогическом поле возникает не столько *диалог / спор*, сколько *диалог / углубление*, раскрывающий многомерность *шинели* как *образа / символа*. Путь к истине лежит через осмысление многомерности гоголевских символов в самом диалоге. И это важная особенность диалогического поля гоголианы.

Нельзя обойти вниманием и такой значимый фрагмент, в котором подмечено то, что раньше никем не замечалось.

«Любопытно и то обстоятельство, – пишет О. Богданова, – что *гражданский чин титулярного советника* в 1830-х гг. соответствовал придворному чину *камер-юнкера*. Последующая ассоциация в отечественном (национальном) сознании неизбежно пробуждает имя А.С. Пушкина и заставляет задуматься о семантике литературного типа т. н. “маленького человека” и усомниться в релевантности его облегченной социологизированной (конфронтальной) трактовки» [6, с. 127].

Не случайно О. Богданова ассоциативно вспомнила А. Пушкина – да и Н. Гоголя – и тем дала почувствовать и осознать то, что значимость личности не равняется и даже в основе своей не определяется чином, должностью, положением в обществе. И в этом контексте розановское: «*маленький, незаметный чиновничек*»... «*сжег николаевскую Русь*», – направляет воображение и мысль не только к «Медному всаднику», но и к самому Н. Гоголю,

давая возможность предположить в нем надежду на *Воскресение*, видимо, жившую в нем, и тогда, когда он писал «Мертвые души», а предположив это, еще глубже осознать его как личность трагическую: **ведь, когда эта надежда ушла, он не смог жить. Более того, очевидно, что трагедия такого рода выходит за рамки единичного существования.**

Размышляя над гоголианой, думается, что требует осмысление и положение К.Г. Кацадзе.

Общественная мысль (та ее составляющая, которая узко поняла пафос Белинского) увидела в Гоголе едва ли не ярого обличителя правящего класса и тех, кто находится под его покровительством, а также защитника «маленького человека», чьи права недемократично попирают в невежественной стране. То есть, по большому счету, представителя слова карающего. Хотя были и те, кто прозорливо увидел в его героях изображение общечеловеческой пошлости, неизбежно живущей в каждом и временно побеждаемой лишь прямым указанием на нее (но навсегда – постоянным стремлением к духовному идеалу): «он определяет сам себя как аналитика человеческой пошлости, но не как оправдателя ее, чем хотела бы, может быть, видеть его так называемая натуральная школа, не совсем понявшая своего учителя...» [26].

И если осознать всю сложность диалогических отношений, которые сложились в гоголиане, взятой в контексте европейской литературы, то станет очевидным, что Н. Гоголь стоит у истоков процессов, получающих свое развитие в межвоенный период XX в., **суть которых точно определена А. Степановой:**

«Думается, – пишет исследовательница, – фаустовская тема в литературе XX века развивается параллельно с темой экзистенциальной и к концу 30-х гг. постепенно сближается с последней, впадая в эстетику экзистенциализма, – в культурном сознании акцент смещается с вечного познания к самопознанию» [51, с. 329].

Завершением сказанного является мысль: Н. Гоголь породил *гоголиану*, которая уже сама по себе, по сути своей является бесконечным процессом *познания* человеком, народом и человечеством самого себя. Справедливые слова Ю. Лотмана о том, что многообразные сюжеты одного автора очень часто могут быть описаны как единый сюжет» [35, с. 238], – можно отнести и к гоголиане. Ее диалогическое поле убеждает в том, что *многомерный Н. Гоголь* позволяет разным народам искать и находить пути к себе, уясняя свой *мирообраз*. Этот процесс разнообразно протекает в разных литературах и в наши дни. Н. Гоголь понуждает человека с беспощадной смелостью заглянуть правде в глаза, увидеть мир и себя в этом мире. Например, Е. Сверстюк, обращаясь к трагической личности Н. Гоголя с целью исследования его умения заглядывать **«у таємничі глибини душі», остро «відчуваючи метафізичне зло»,** раскрывая «інтуїтивний дар Н. Гоголя схоплювати правду про час і дух народів на шляху до осягнення свого призначення». А П. Михед, оценивая повесть «Тарас Бульба» как **тризну, фактически призывает своего современника к ответственности за судьбы народа [44].** С ним согласуется и А.В. Баль, которая, анализируя роман А. Иванова «Блуда и МУДО» (СПб.: Азбука, 2011), сопоставляет два художественных мира: лермонтовский и гоголевский. А это вызывает новые коннотации, стимулирующие интенции, которые вызываются не только ивановским романом, но и балеvской статьей.

«... В романе А. Иванова, – пишет А. Баль, – гоголевский каталог сюжетов оказывается востребован для осмысления проблемы героя времени современной эпохи. **Соблюдение гоголевской последовательности** рассмотрения ипостасей героя времени, с одной стороны, позволяет Иванову во всей полноте осмыслить и обозначить факт универсальности логики классика. С другой стороны, аллюзии на гоголевских героев в структуре образа Моржова обнажают очевидное противоречие между традиционными ценностными системами и современными» [2, с. 27].

Отталкиваясь от этой балеvской мысли, нетрудно предположить и новые направления художественно-философской мысли, в т. ч. и указанные А. Степановой, которые действительно стимулируются творчеством Н. Гоголя, актуальность которого только возрастает в наши дни.

Список использованной литературы

1. Антонов М.Ф. Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель / М.Ф. Антонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/a/antonow_m_f/gogolj.shtml (последнее обращение 14.03.2020).
2. Баль В.Ю. Гоголевская традиция и тема героя времени в романе А. Иванова «Блуда и МУДО» / В.Ю. Баль // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 39. – С. 21–28.
3. Башкеева В.В. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в трудах российских литературоведов XX в. / В.В. Башкеева, С.С. Гармаева // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2015. – Вып. 2. – С. 74–79.
4. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. – М.: МАЛП, 1991. – 351 с.
5. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии: монография / П.М. Бицилли. – Москва ; Берлин: Директ-Медия, 2017. – 496 с.
6. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. (классика в новом прочтении) / О.В. Богданова. – СПб.: ИПК Береста, 2017. – 569 с.
7. Васильева М.А. Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе / М.А. Васильева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (22). – С. 10–15.
8. Виноградов В.В. Язык Гоголя / В.В. Виноградов // Литературный архив (АН СССР. Ин-т русской литературы). Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / под ред. В.В. Гиппиуса. – М.-Л.: Наука, 1936. – Вып. 2. – С. 286–376.
9. Виноградова З.В. *Гоголь* в литературном процессе 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.В. Виноградова. – СПб., 2004. – 24 с.
10. Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии / В.А. Воропаев. – М.: Паломник, 2008. – 320 с.
11. Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре / А.Г. Гачева. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 570 с.
12. Гинко А. *Гоголь и славянская литература: путь к сердцу* / А. Гинко // Известия ДГПУ. – 2009. – № 2. – С. 73–86.
13. Гоголезнавчі студії: Вип. IV (21) / за ред. П. Михеда. – Ніжин: ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея», 2014. – 306 с.
14. Гоголь Н.В. Авторская исповедь / Н.В. Гоголь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-gogol/89308-avtorskaya-isproved-nikolay-gogol/read/page-2.html> (Последнее обращение 14.03.2020).
15. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 2. – С. 16–47.
16. Гоголь Н.В. Последний день Помпеи (Картина Брюллова) / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. I. – С. 130–137.
17. Григорьев А. Гоголь и его последняя книга / А. Григорьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0520.shtml (последнее обращение 14.03.2020).
18. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – Л.: ГИХЛ, 1959. 524 с.
19. Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Дмитриева. – М., 2011. – 40 с.
20. Ерофеев В. Розанов против Гоголя / В. Ерофеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/EROFEEW_WI/rozanovprotivgogolya.txt (последнее обращение 14.03.2020).
21. Есаулов И.А. Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России / И.А. Есаулов // Н.В. Гоголь и пути развития русской литературы: К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 1–3 апреля, 2018 г. – М.: Новосибирский издательский дом, 2019. – 255 с.
22. Золотусский И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 512 с.
23. Золотусский И.П. *Чей писатель Гоголь – русский или украинский. Ответы на вопросы читателей «Ленты.ру»* / И.П. Золотусский [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: <https://sir-michael.ru/2009/04/02/chejj-pisatel-gogol-russkijj-ili-ukrainskijj/> (последнее обращение 14.03.2020).

24. Иванов Вяч. Родное и вселенное / Вяч. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 426 с.
25. Казарин В.П. Одиночество Николая Гоголя (Готовы ли мы к новому прочтению творческого наследия нашего классика?) / В.П. Казарин // Гоголезнавчі студії. – 2014. – Вип. IV (21). – С. 57–68.
26. Кацадзе К.Г. Преобразующая власть слова: автор и внефабульные образы писателей в прозе Гоголя / К.Г. Кацадзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/1130/> (последнее обращение 14.03.2020).
27. Колихалова Н.Г. И в России Гоголя, и в Германии Ницше... (К истории формулы Томаса Манна “Святая русская литература”) / Н.Г. Кольханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-v-rossii-gogolya-i-v-germanii-nitsshe-k-istorii-formuly-tomasa-manna-svyataya-russkaya-literatura> (последнее обращение 14.03.2020).
28. Крутикова Н.Е. Слово Гоголя в украинике Бунина (очерк) / Н.Е. Крутикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/27822/12-Krutikova.pdf?sequence=1> (последнее обращение 14.03.2020).
29. Крюкова О.С. Романтический образ Украины в русской литературе XIX века / О.С. Крюкова. – М.: Наука, 2017. – 127 с.
30. Кузубова Т.С. Метафизический миры Достоевского и Ницше: дис. ... д-ра филол. наук / Т.С. Кузубова. – Екатеринбург, 2001. – 346 с.
31. Купрата Н.Я. Вплив М.В. Гоголя на українську та російську літератури / Н.Я. Купрата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/1711/1/> (последнее обращение 14.03.2020).
32. Лобачева В.Д. Культурный трансфер: определение, структура роль в системе литературных взаимодействий / В.Д. Лобачева // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8 (98). – С. 23–27.
33. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 320 с.
34. Лашов В.В. Лев Шестов и Николай Гоголь / В.В. Лашов // Научные ведомости. – 2009. – № 16 (1). – С. 211–216.
35. Лотман Ю.М. О реализме Гоголя / Ю.М. Лотман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanj.pdf (последнее обращение 14.03.2020).
36. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 235–349.
37. Манн Т. Искусство романа / Т. Манн // Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т. 10. – С. 272– 286.
38. Манн Ю. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
39. Мельниченко В.Ю. Гоголь у Москві / В.Ю. Мельниченко. – К.: Либідь, 2014. – 544 с.
40. Михед П.В. «Тарас Бульба» Миколи Гоголя і «Гайдамаки» як віха національної самосвідомості / П.В. Михед. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xQ8d6MaFi1Q> (последнее обращение 14.03.2020).
41. Наенко М.К. Шевченко і Гоголь у зарубіжній транскрипції / М.К. Наенко // Літературознавство. Фольклористика. Культурологія. – 2019. – Вип. 29–31. – С. 329–340.
42. Науман И.В. Николай Васильевич Гоголь – эстетик и литературный критик: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Науман. – М., 2012. – 25 с.
43. Н.В. Гоголь и славянские литературы / под ред. Н.Л. Будаговой. – М.: Индрик, 2012. – 568 с.
44. Н.В. Гоголь: pro et contra / под ред. С.А. Гончарова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2009. – 1040 с.
45. Некора О. Анти-Гоголь та його «Сад...» / О. Некора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://olena-nekora.livejournal.com/40416.html> (последнее обращение 14.03.2020).

46. Отрошенко В.О. Гоголиана. Писатель и пространство / В.О. Отрошенко. – М.: АСТ, 2016. – 319 с.
47. Подорога В.А. Лекция «История Бога в Новое время». 28 авг. 2015 г. / В.А. Подорога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=оJrPgyJSNMM> (последнее обращение 14.03.2020).
48. Пospelов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя / Г.Н. Пospelов. – М.: Учпедгиз, 1953. – 280 с.
49. Савинова А.Г. Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Савинова. – Томск, 2010. – 29 с.
50. Сверстюк Є.О. Гоголь і українська ніч: есеї / Є.О. Сверстюк. – К.: ТОВ «Клію», 2015. – 768 с.
51. Степанова А.А. Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. / А.А. Степанова. – Днепропетровск: Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля, 2013. – 496 с.
52. Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. Книга друга. Розвинене бароко. Пізнє бароко / В. Шевчук. – К.: Либідь, 2005. – 728 с.
53. Шестов Л. Умозрение и апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьева / Л. Шестов // Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 319–385.
54. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б. Эйхенбаум // О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 306–326.
55. Brooks J. How Tolstoevskii pleased readers and rewrote a Russian myth / J. Brooks // Slavic Review. – 2005. – Vol. 64. – Issue 3. – P. 538–559. DOI: 10.2307/3650141.
56. Zhou O. The “Metaphysical Meaning” of “Tearful Laughter”: Sketch of Gogol’s “Portraits” / O. Zhou // Foreign Literature Studies. – 2017. – Vol. 39. – Issue 6. – P. 46–55.
57. Giuliani R. Gogol – Goethe – Rome, Or a Triangle with Arabesques // R. Giuliani // Имагология и компаративистика. – 2016. – № 5. – С. 82–102. DOI: 10.17223/24099554/5/6.
58. Seidel-Dreffke B. Major Topics of Religiously Focused Analysis on Gogol in West-European Literary-Criticism of the 2nd-half of the 20th Century / B. Seidel-Dreffke // Zeitschrift fur Slawistik. – 1992. – Vol. 37, Issue 3. – P. 442–451.
59. Seidel-Dreffke B. Observations on the Interpretation of Gogol “Nevskii Prospekt” / B. Seidel-Dreffke // Wiener Slavistisches Jahrbuch. – 1992. – Vol. – 38. – P. 267–278.
60. Krys S. Intertextual parallels between Gogol` and Hoffmann: A case study of Vii and the Devil`s Elixirs / S. Krys // Canadian-American Slavic Studies. – 2013. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 1–20. DOI: 10.1163/221023912X642709.
61. Lydic L. “Noseological” Parody, Gender Discourse, and Yugoslav Feminisms: Following Gogol`s “Nose” to Ugresic`s “Hot Dog on a Warm Bun” / L. Lydic // Comparative Literature. – 2010. – Vol. – 62. – Issue 2. – P. 161–178. DOI: 10.1215/00104124-2010-004.
62. Thiergen P. Images of Arcadia in Russian Literature of the 18th – 19th Centuries / P. Thiergen // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 4. – С. 69–110. DOI: 10.17223/24099554/4/4.
63. Flaiser M. Terminology Studies in the History of the “A. Philippide” Institute of Romanian Philology from Iasi / M. Flaiser // Clasic si Modern in Cercetarea Filologica Romaneasca Actuala. – Iasi: Editura University Alexandru Ioan Cuza Publ., 2018. – P. 183–192.
64. Hashemi O. The Symbolists` Myths on N.V. Gogol` (Based on the Literary Criticism at the Turn of the Twentieth Century) / O. Hashemi // Russian Literature. – 2017. – Vol. 93-94. – P. 153–198. DOI: 10.1016/j.ruslit.2017.11.005.
65. Ebbinghaus A. Konfusion und teufelsanspielungen in N.V. Gogol`s “Revizor” / A. Ebbinghaus // Russian Literature. – 1993. – Vol. 34. – Issue 3. – P. 291–310. DOI: 10.1016/0304-3479(93)90016-L.
66. Ebbinghaus A. Nikolai Gogol: between Ukrainian and Russian nationalism / A. Ebbinghaus // Osteuropa. – 2009. – Vol. 59. – Issue 1. – P. 164–166.
67. Ebbinghaus A. Zur Komödienstruktur der „Lenit`ba” von N.V. Gogol` / A. Ebbinghaus // Zeitschrift fur Slawistik. – 1996. – Vol. 41. – Issue 1. – S. 3–19.

NIKOLAY GOGOL IN GOGOLIANA DIALOGIC FIELD OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Luiza K. Oliander. Lesya Eastern European National University (Ukraine)

E-mail: olk32@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1

Key words: *analysis, dialogue, creativity, cultural transfer, worldview, (poly) dialogic field, recipient, synecdocha, symbol, N. Gogol, A. Pushkin.*

Based on the works of P. Pospelov, Yu. Mann, G. Gukovsky, Yu. Lotman, Yu. Barabash, O. Bogdanova, V. Voropaev, I. Zolotusky, V. Erofeev, I. Yesaulov, N. Krutikova, O. Kriukova, P. Mikhed, Ye. Sverstiuk, V. Shevchuk, V. Melnichenko, etc. it is given an idea of the (poly) dialogical field of Gogoliana of the 20th – beginning of the 21st centuries, about those intentions that are caused by the results of comprehension of the writer's work. The philosophical concepts of V. Rozanov, L. Shestov, V. Podoroga, K.Zh. Deleuze, M. Foucault, M. Heidegger and others are taken into account. Attention is focused on the tendency to know N.V. Gogol comprehensively taking into account the cultural transfer that clarifies a lot in the literary interactions system. The importance was emphasized – to hear everyone's voice in the context of voices, striving first of all for understanding – and this is what I. Yesaulov calls for in his article "Gogol and Rozanov: a problem field in the light of Russia's fate". This approach, combined with other approaches, makes it possible to examine how and by what ways Gogol's world view is revealed in the space of intercultural dialogue. Extensive material for reflection is provided by N. Gogol with his journalism, criticism, theoretical and aesthetic views, and deep thoughts about various types of art. His "Last Day of Pompeii" is a kind of program for the poetics study, stimulating the focus on the meaning-forming functions of plastic, colour and light in the Gogol's visual-expressive system. It is noted, based on the thoughts of A. Stepanova, that N. Gogol is at the origins of existential processes that developed in the interwar period of the XXth century. But only three perspectives are considered in detail:

- The first established perspective is N. Gogol – a romantic – a satirist – a realist.
- The second current perspective is the affiliation of N. Gogol to Russian or Ukrainian national literature.
- The third perspective is the comprehension of the writer's personality, as well as the philosophical and religious aspects of his work. It is established that such a touch on Gogol's personality gives the most clear idea of the hidden nature of his artistic talent. It is proved that O. Bogdanova's analysis of the novel "The Overcoat", built on the "Dante utopia «hell – purgatory – paradise»", leads the recipient to the idea that N. Gogol was the forerunner of F. Nietzsche genuine, appearing in dialogue between N. Gogol and F. Dostoevsky. The difference is also emphasized: N. Gogol does not have *Übermensch*, but the hope of correcting man thanks to Christianity. It is established that N. Gogol gave birth to *Gogoliana*, which is an endless process of the knowledge of a person, people, humanity of themselves.